

Николай Федорович Алефиренко – Людмила Степанова
Россия, Белгород – Чехия, Оломоуц

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ¹

Abstract:

The paper gives grounds for methods of modern cognitive linguistics and definitions of its main terms: concept, discourse, ethnolinguistics, value, picture of world, conceptual and ethnolinguistic picture of world, language and culture etc. The specific features of linguistic picture of the world are analyzed. The authors differentiate the global picture of the world and ethnolinguistic picture of world. The authors also differentiate the terms *language* and *culture* and describe their differences.

Key Words:

Cognitive linguistics – culturology – concept – discourse – ethnolinguistics – value – picture of world – conceptual and ethnolinguistic picture of world – language and culture.

Для успешного становления лингвокогнитивной культурологии важно ответить на вопрос о том, чем должны или не должны заниматься лингвисты в отличие от специалистов в области когнитивной психологии. При этом следует помнить, что даже в недалеком прошлом российской и европейской науки не было четкой дифференциации их предмета. Поэтому нет ничего удивительного, что когнитивно-семиологическая теория лингвокультуры опирается, в частности, на деятельностьную концепцию Л. С. Выготского. Ее фундаментальные положения позволяют выделить следующие основные для когнитивно-семиологической теории векторы взаимоотношения личности, знака и культуры:

1. Культурно-исторический генезис человеческой психики обусловлен средой. Следовательно, когнитивные процессы находятся в известной корреляции с лингвокультурной средой.

2. Культурный знак как производный феномен генезиса человеческой психики является важной составляющей структуры социальной личности, этнокультурную сущность которой определяют интериоризованные в ней

¹Работа выполнена в рамках исследовательского проекта по государственному контракту №02.740.11.503

социально значимые ценностно-смысловые отношения.

3. Вместе с культурным знаком в процессе социализации личности человека и формирования его сознания возникает феномен значения. Значение выступает формой существования сознания. Оно может быть представлено как значение слова и как значение предмета. С одной стороны, значение – основное свойство знака, а с другой – конституирующий элемент сознания.

4. Значение есть динамическое обобщение знаний, связанных своими корнями с предметно-чувственным (культурно-историческим) опытом. С точки зрения когнитивной семантики, сущность семантического развития слова заключается в изменении внутренней структуры обобщения, обусловленной изменениями в ценностно-смысловой парадигме данного этнокультурного сообщества.

5. Главная функция значения – смыслообразование. Смысл – это содержание не закрепленного за знаком значения. Именно смыслообразующие возможности значений приводят к смысловому структурированию самого сознания. В этой связи целесообразно вспомнить афористическое суждение А. А. Потебни: «... Язык мыслим только как средство [...], видоизменяющее создание мысли; [...] его невозможно было бы понять как выражение готовой мысли» [Потебня 1999: 307].

6. Предметное значение генетически связано с языковым значением. Вербальное значение первично, предметное – вторично.

7. Чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. В дискурсивной деятельности человека значение освобождается от власти конкретного предмета как элемента ситуации.

8. Благодаря знаку возникает опосредованная форма владения культурно значимым предметом.

9. В культурно-историческом генезисе человеческой психики вещь постепенно замещается значением слова, в результате чего ее значение отрывается от реальной вещи и возникает новое явление – смысловое пространство.

10. Слово биполярно: в дискурсе оно интегрирует словесное и предметное значения.

Когнитивная лингвистика создавалась не с чистого листа, ее возникновению предшествовала огромная подготовительная работа, особенно плодотворная в XIX веке (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, А. А. Потебня и др.), когда взаимоотношения языка и мысли находились в эпицентре научного поиска. В современном виде когнитивная лингвистика, понимается, отличается от традиционной менталингвистики и своей методологией, и категориально-понятийным аппаратом. Однако ее специфика – не в утверждении нового предмета изучения или необычного поискового алгоритма. Ее отличительная черта обуславливается некоторым методологическим сдвигом и заключается в новых эвристических программах. Это связано с общелингвистическим интересом к имплицитным,

недоступным непосредственному наблюдению явлениям, к их теоретическому и гипотетическому моделированию.²

Главным условием возникновения когнитивно-семиологической теории слова стало устранение структуралистских ограничений в исследованиях влияния экстралингвистических факторов на формирование семантической структуры слова. Стало приемлемым несовместимое со структурализмом положение о том, что языковые факты могут быть хотя бы отчасти объяснены фактами неязыковой природы, притом не обязательно наблюдаемыми. Такими явлениями экстралингвистического характера, подлежащими гипотетическому моделированию, в когнитивной лингвистике стали следующие когнитивные структуры: а) фрейм М. Минского (в лингвистике эта структура получила «постоянную прописку» благодаря работам Ч. Филлмора); б) идеализированная когнитивная модель Дж. Лакоффа; в) ментальные пространства Ж. Фоконье и т.д. Однако всё это недоступные непосредственному наблюдению феномены. Эксплицируются они только в процессе исследования *речевой* деятельности.

Переосмысления требует прежде всего один из основных постулатов постсоссюровской лингвистики о системности языка. Каждый язык представляет собой не только и не столько статическую систему, фиксирующую результаты отражения внешнего мира в качестве его адекватной семантической модели, сколько систему функционально-коммуникативную. Ведь даже в системном своем состоянии язык представляет собой функционирующую систему. И в этом плане он является не только структурно-системным, но (и это важнейшая его ипостась) динамическим когнитивно-семиологическим образованием.³ Все это предполагает поиск такого методологического принципа когнитивно-культурологического исследования, который бы адекватно воспроизводил диалектически сложную природу языка как деятельностной системы. Базовыми категориями в данном исследовании являются «когниция», «когнитивная структура», «концепт» и «дискурс».

Когниция – термин, заимствованный из англоязычной лингвистики. По своему содержанию он лишь частично соответствует русскому термину *познание*, поскольку кроме одноименного понятия включает еще и знание. Термин *когниция*, таким образом, означает и 1) сам познавательный процесс (причем обыденный процесс получения информации, знаний, их категоризации,

² Так, В. М. Мокиенко на конференции, посвященной фразеологии и когнитивистике (Белгород 2008) напомнил, что корни когнитивистики можно найти еще в средневековой Европе и сам термин «картина мира» восходит, вероятно, к дидактической системе Яна Амоса Коменского, описанной в его книге „*vě v obrazech*“ (1658 г.), но одновременно подчеркнул, что каждый новый подход требует и переосмысления старой терминологии, и создания новой. В этом когнитивистика достигла больших успехов [Мокиенко 2008: 14–5].

³ Мир непрерывно изменяется и вместе с тем изменяется его отражение в языке. Сопоставление картины мира периодов, даже не столь отдаленных друг от друга по времени, показывает разительные отличия. Так, анализируя с этой точки зрения словарь М. И. Михельсона, мы отметили утрату целого ряда элементов картины мира XX века, отраженных во фразеологии. Ушли в прошлое фразеологизмы, отражающие разные моменты жизни чиновников, обороты, связанные с карточными играми, курением и нюханием табака, с телесными наказаниями, с элементами церковной жизни и другими признаками того времени (см. [Степанова 2007: 75–1]).

концептуализации и преобразования, запоминания, извлечения из памяти, использования в речемыслительной деятельности), и 2) результаты этого процесса – знания (ср.: [Болдырев 2002: 9]). В когниции многие психические процессы протекают в синергетическом взаимодействии, т. е. восприятие, понимание, интерпретация, воображение и речь «работают» здесь в органическом единстве.

Когнитивная структура – это способ представления знаний, их своеобразная упаковка в нашем сознании. Таковыми являются представление, образ, концепт, гештальт, фрейм и др.

Концепт – особым способом структурированное содержание акта сознания, воплощение в содержательной форме образа познаваемого предмета. Это своего рода энграмма (осадок в памяти) мысленно сформулированного образного содержания, коллективный архетип культуры и в этом своем существовании служит оперативной единицей мышления (Е. С. Кубрякова). Существует мнение, что концепт – понятие инвариантное, которое реализуется в таких своих разновидностях, как гештальт, фрейм, сценарий и в некоторых других когнитивных структурах.

Дискурс – сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации. Чаще всего выделяют два основных направления в лингвокогнитивном исследовании дискурса: а) структуры представления знаний и б) способы его концептуальной организации.

Категориальная сущность дискурса достаточно репрезентативно раскрывается уже одним перечислением таких его элементарных составляющих, как излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «несобытия», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон и ценностно-смысловые оценки участников события и т.п. Ценностно-смысловые отношения между концептуальными элементами дискурса вводят когнитивно-дискурсивные исследования в сферу лингвокультурологии.

Представленные определения позволяют рассматривать данные категории не только как системные образования. Будучи речемыслительными категориями, они являются функциональными и динамическими составляющими лингвокультуры, что свидетельствует об их бинарности. С одной стороны, они, несомненно, относятся к сфере когнитивной семантики, а с другой – к семантике контекстуально-функциональной, составляющей предмет семиологии.

Существует убедительная точка зрения, согласно которой язык и дискурс нераздельны. Вместе с тем, на начальном этапе возникновения различие этих понятий, восходящее к Соссюру (в виде пары «язык – речь»), является достаточно целесообразным, оно дало импульс развитию семиологии как научной дисциплины. Однако здесь важно отмежеваться от соссюровского понимания семиологии как науки о знаках вообще. Ученый писал: «... можно

представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества, [...] мы назвали бы ее семиологией (от греч. *semeion* – знак). Она должна открыть нам, что такое знаки, и какими законами они управляются [...] Лингвистика – это только часть этой общей науки» [Соссюр 1977: 54]. Как видим, у Соссюра семиология – синоним семиотики. Мы же данный предмет изучения оставляем за семиотикой (наукой о знаках, как определил ее основоположник – Ч. У. Моррис), а семиологией называем тот раздел лингвистики, который изучает закономерности использования языковых знаков в речи и – шире – в дискурсивной деятельности человека. При этом важно подчеркнуть, что дискурсивная деятельность может осуществляться только благодаря сложнейшему механизму взаимодействия языка и речи.

Действительно, дискурсивное пространство определенным образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык. По образному выражению А.Ж. Греймаса, они как бы держатся друг под другом, словно ладони при игре в жгуты [Греймас 2004: 78]. Ученый полагает, что разграничение языка и дискурса является промежуточной операцией, от которой в конечном счете надлежит отречься. Семиологии суждено было бы стать работой по собиранию побочных, ценностно-смысловых продуктов языковой деятельности – продуктов, которые суть не что иное, как желания, страхи, гримасы, угрозы, посулы, ласки, мелодии, досады и извинения в их этнокультурологическом ракурсе, из которых и складывается язык в действии, или дискурсивная деятельность. Не будем отрицать, что подобное определение страдает сугубо личностным восприятием языка в действии. Однако в нем сконцентрирована ценностно-смысловая суть взаимоотношения языка, дискурса и когниции.

Представление лингвокультуры в ценностно-смысловом пространстве языка – методологическая доминанта лингвокультурологии. Вне таких категорий, как ценности, оценки и смысл, рассматривать проблемы лингвокультурологии невозможно. Это аксиома.

Обычно ценности понимаются как сформированные представления, значения некоего объекта для субъекта (см.: [Чернявская 2005: 225]). При таком подходе ценность оказывается разновидностью значения. Для корректного применения понятия **ценности** в лингвокультурологии особую актуальность приобретают работы С. Н. Виноградова. Он определяет ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007: 93].

Выраженность ценности, возможность ее физического проявления обнаруживает ее объективную сущность. Разновидностью выраженности является языковая выраженность – языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка [Там же]. Простейшим примером выраженности ценностей

являются такие их названия, как добро, правда, справедливость, свобода, красота и т.д.

Ценности иерархически организованы (в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей); они носят исторический характер (ценности могут меняться), играют исключительно важную роль в синергетике (самоорганизации) лингвокультуры. Вместе с тем они достаточно стабильны. Только формирование, осознание и принятие новой системы ценностей позволит окончательно преодолеть кризисные явления в культуре.

Ценность всегда связана с оценкой, понимаемой широко – как определение полезности, целесообразности, уместности чего-либо и т.д., т.е. как размещение явления или факта на шкале «хорошо – плохо», как положительное или отрицательное отношение к чему-либо.⁴

Оценка – форма существования ценностей. Оценка может быть а) эмоционально-чувственной, если выражается единичной эмоцией или комплексом эмоций (в виде восхищения или негодования, стремления или отвержения, любви или ненависти); б) рационально-вербальной, если дается оценка значимости объекта (в рецензиях, высказываниях, критических статьях, экспертных заключениях и т.д.); в) прагматически-поведенческой (в форме реального действия или поведения). Для лингвокультурологии самыми важными являются оценки, выраженные словесно. Наиболее зримо ценность и оценка связаны с такими языковыми явлениями, как семантика, языковые и речевые средства выражения значения, парадигматические отношения, обусловливаемые закономерностями варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц и т.п.).⁵

Итак, ценность и оценка как разновидности идеального существуют объективно, независимо от нашего сознания. Они связаны с выбором языковых средств, способов речемыслительной деятельности. Выбор – культурологически важная сфера деятельности людей или, по крайней мере, необходимая составная часть лингвокультуры. Таким образом, ценность, как и культура в целом, связана с деятельностью, выполняет в ее механизме конструктивную роль. Действительно, человек всегда к чему-либо стремится, чего-то избегает. При этом он оценивает и окружающих людей, и жизненные обстоятельства, и собственное поведение и на основе этой оценки действует. Поддерживая тезис о том, что ценности существуют объективно, независимо от нас, исследователь заостряет внимание на том, что они – не сами предметы и явления окружающего мира, а метонимически перенесенные на них их ингерентные, или окказиональные, свойства и признаки.

⁴Учет возможности иной оценки какого-л. предмета, явления и т.д. у иного народа составляет основу предотвращения коммуникативного шока при межкультурном общении: в русском выражении *топают как слон* слон – символ неуклюжести, однако у народов Индии слон – грациозное животное; зеленые глаза для русских – загадочные и романтические, для англичан они – символ зависти, ревности; опоздание в гости в Германии – нарушение этикета, небольшое опоздание в гости в России считается проявлением уважения к хозяевам и т.д.

⁵Ср., напр., синонимические ряды: **животное**: *бессловесное создание (животное)*; *братья [наши] меньшие*. Публ.; *бессловесная тварь*. Прост. устар.; *бессловесная скотина*. Прост.; **бояться**: *кровь стынет / застыла (леденеет / заледенела, холодеет) [в жилах] у кого*. Книжн.; *душа уходит/ушла в пятки у кого*; *дрожать (трястись) как осиновый лист*; *обливаться холодным потом*; *труса праздновать*. Шутл.; *дрожать (трястись) как овечий (как заячий) хвост (хвостик)*. Прост. ирон.; *наложить в штаны*. Грубо-прост.; *писать кипятком*. Вульг.

Если предмет получает свое знакообозначение, он отрывается от индивидуального или коллективного субъекта, номинировавшего его. Поэтому любые концепты, независимо от того, передают ли они ценность в ее обыденном или научном понимании, являются ценностями. Почти все слова, полагает автор, ссылаясь на Р. М. Хэара, в процессе дискурсивно-метафорического мышления становятся словами-ценностями. Непременным условием актуализации лингвокультурологических ценностей является «вертикальный контекст» (пресуппозиции), приводной ремень системно-функционального механизма интериоризации знаний, представлений, мнений об объективной действительности, выработанных человечеством в рамках той или иной этнокультуры, в процессе их ценностной интерпретации и моделирования таких базовых категорий лингвокультуры, как картина мира, концептуальная система мира, модель и образ мира. Каждая из этих категорий представляет собой относительно завершённый и целостный фрагмент глобального образа мира, который, в свою очередь, является буферным звеном между предметно-практическими (материальными) и духовными (идеальными) аспектами нашей жизнедеятельности, выступая универсальным средством образования того или иного этнокультурного сообщества. Они представляют собой структуры особой философии познания мира – герменевтики, которая, в отличие от гносеологии, не открывает, а истолковывает познаваемую действительность. Возможность такого структурирования познаваемого мира исходит из сущности основополагающей категории когнитивно-семиологической теории лингвокультуры, которой, в нашем представлении, и является глобальный образ мира. В основе когнитивно-семиологического структурирования глобального образа мира лежит уже известная тройственная связь между «предметом», «концептом» и «словом», с тем лишь отличием, что исходной точкой здесь оказывается не «концепт», а «слово», связующее предмет и его отражение в нашем сознании [Колесов 2002: 8]. При таком подходе даже оязыковление универсальных (общечеловеческих) концептов типа «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Вечность», «Добро», «Зло» рассматриваются с точки зрения их этнокультурного понимания, поскольку слова и, тем более, фраземы – продукты герменевтики, знаковое средство этнокультурного истолкования познаваемого фрагмента действительности.⁶

Глобальный образ мира – основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески ее интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия [Роль человеческого фактора ... 1988: 21].

⁶ Так, напр., только в стране с традиционным употреблением пива мог возникнуть фразеологизм *malé pivo* (букв. маленькое пиво) – ‘о мужчине маленького роста’, а только в России мог появиться оборот *тун как сибирский валенок* – ‘об очень глупом человеке’.

В итоге глобальный образ мира усилиями коллективной лингвокреативной деятельности этнокультурного сообщества превращается в этноязыковую картину мира, поскольку, во-первых, разные этносы используют разные средства интериоризации и семиотизации открытого для себя (познанного) мира; во-вторых, у каждого из них уже имелась ранее сложившаяся система мировосприятия. В отличие от концептуального образа мира, который со всей очевидностью имеет двойственную природу (с одной стороны, это элемент сознания, с другой – еще неопредмеченный образ реального мира), этноязыковая картина мира не только опредмечивает (при помощи семиотических систем не обязательно собственно языковой природы) когнитивное сознание, но и переводит его в «автоматический режим», т.е. на уровень **подсознания**. Это достигается, думается, в процессе объективирования концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка. Этноязыковая картина мира, будучи вторичным, производным образованием, сложна, вариативна, динамична, но, тем не менее, у нее есть некий инвариантный остов – этноязыковые константы, входящие в состав сознания каждого члена данного этноязыкового сообщества. Благодаря этноязыковым константам обеспечивается не только взаимопонимание разных индивидуальных сознаний в рамках одной этноязыковой культуры, но и так называемая межкультурная коммуникация⁷. Последняя осуществляется благодаря общим для языка и культуры категориальным свойствам. Это, в частности: (1) культурные и языковые формы сознания, отражающие мировоззрение этноса, которые (2) ведут между собой постоянный диалог, поскольку коммуниканты – всегда субъекты определенной этнокультуры (субкультуры). (3) Язык и культура имеют индивидуальные и общественные формы существования. (4) Им свойственны нормативные коды, подчиняющиеся принципу историзма. Наконец, (5) они взаимно предполагают друг друга: язык – основной инструмент усвоения культуры, форма воплощения национальной ментальности; культура находит свою реальную жизнь в языке как одной из важнейших систем ее семиотического воплощения. «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации и разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Лотман 2000: 178]. И все же говорить о полном тождестве категорий языка и культуры нельзя. Каждое из явлений обладает различительными признаками: 1) Язык как средство коммуникации одинаково принадлежит всему этнокультурному сообществу, хотя средством ее существования является индивидуум; культура наиболее полно эксплицируется в элитарном коллективе. 2) Язык имеет ярко выраженную синергетику; культура без знаковых опосредователей не способна к самоорганизации, поэтому это

⁷По определению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26].

разные семиотические системы: первая обслуживает вторую, хотя вторая наиболее рельефно проявляется только на фоне языкового ландшафта.

3) Эти и другие различия обусловлены их разными системно-функциональными возможностями: лингвосемиотика как система не полностью «покрывает» предметную область культуры, и, наоборот, этнокультурное пространство многообразнее и богаче культурно значимого семантического пространства языка. Речь можно вести лишь о синергетике языка, сознания и культуры [Алефиренко 2002]. Ведущим механизмом в этом синергетическом континууме оказывается языковая модель мира, поскольку именно в ней отображается многоплановая действительность: а) исторически сложившийся в данном этноязыковом сообществе образ мира; б) зафиксированный в грамматике канонический свод нормативных субъектно-объектных отношений между конститuentами этноязыкового пространства; в) выработанный веками лингвосемиотический механизм концептуализации мироздания. В силу этого каждое этноязыковое сознание отражает именно ту, а не иную картину мира, способ ее восприятия и кодировки – семантическое пространство соответствующего языка, которое соотносимо с этноязыковым сознанием, ибо представляет собой единую и целостную систему взглядов – коллективную философию, которая усваивается всем этноязыковым сознанием в целом и сознанием каждого члена языкового коллектива в отдельности, как в капле росы отражающем этнокультурный мир человека.

Целостное этнокультурное сознание является способом существования концептосферы языка. На разных его уровнях продуцируются те смыслы и идеи, на основе которых, собственно, и формируются культурные концепты.

Использованная литература:

- Алефиренко, Н. Ф. (2002) : *Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры*. М.
- Болдырев, Н. Н. (2002): Языковые механизмы оценочной категоризации. In: *Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сборник науч. тр.* Тамбов, с. 360–69.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. (1990): *Язык и культура*. М.
- Виноградов, С. Н. (2007): *К лингвистическому пониманию ценности*. In: *Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. –Н. Новгород, с. 93–7*.
- Греймас, А.-Ж. (2004): *Структурная семантика: поиск метода*. М.
- Колесов, В. В. (2004): *Язык и ментальность*. СПб.
- Лотман, Ю. М. (2000): *Семиосфера*. СПб.
- Мокиенко, В. М. (2008): *Когнитивное и адогнитивное во фразеологии*. In: *Фразеология и когнитивистика. Т. 1*. Белгород, с. 13–6.
- Потебня, А. А. (1999): *Собрание трудов. Мысль и язык*. М.
- Серебрянников, Б. А. (отв. ред.) (1988): *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М.
- Соссюр, Ф. де (1977): *Курс общей лингвистики: Труды по языкознанию*. М.
- Степанова, Л. (2007): *К динамике фразеологической картины мира (по материалам словаря М. И. Михельсона «Русская мысль и речь»)*. In: *Frazeologia a jejkowe obrazy świata przełmi wiekó. Opole, s. 75–1*.
- Чернявская, В. Е. (2006): *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. М.